

Н. П. Шуткова, Институт истории НАН Беларуси, отдел археологии средних веков и Нового времени, аспирант (г. Минск, Беларусь)

Изучение печных изразцов с территории Беларуси в трудах ученых конца XIX – начала XXI века (историография проблемы)

Введение. Среди многочисленных керамических материалов, полученных в ходе археологических раскопок, большой интерес представляют печные изразцы. Изучение этого вида керамических изделий позволяет определить основные вехи эволюционного развития ремесла, усовершенствование технических и технологических приемов, отдельные стороны быта населения, культурные и торговые связи.

В археологии для изучения разных категорий вещевого материала применяют разнообразные методы исследования, среди которых используют методы как гуманитарных, так и естественных наук.

Цель работы – изучить историю исследования и историографию проблемы, методы, которые использовали исследователи для изучения такого вида артефактов, как печные изразцы. Хронологически рассмотрен период с конца XIX в. до начала XXI в.

Основная часть. Изразцы привлекали внимание исследователей еще в конце XIX в., когда их находили при проведении небольших археологических раскопок или обследовании местности. Некоторые из них попадали в музеи, становились объектами, которые описывали в музейных каталогах, по ним делали разнообразные выводы. Например, в «Описании Могилевского музея» (1898) М. В. Фурсова благодаря «обломку фигурного изразца (кафеля) старинной работы» был сделан вывод, что Торговая площадь «была шире и доходила краем до архивного переулка сь одной стороны и до ратуши сь другой» [88, с. 73].

Во втором томе «Encyklopedia staropolska ilustrowana» (1901) З. Глогером был опубликован quadri-foлийный горшкообразный изразец позднесредневекового местечка Крошин (сегодня агрогородок Крошин Барановичского района Брестской области). Ближайший аналог ему был найден исследователем среди польских материалов. З. Глогер отметил, что до находки этого изразца в системе самой печи изделия такого вида воспринимали как пепельницы или урны для праха, поскольку они были больше похожи на сосуды, чем на изразцы начала XX в. Исследователь описал особенности установки таких изразцов в овальную печь: устьем наружу, дном внутрь печи. Изразцы этого типа были отнесены к более ранним, без указания точной их датировки. Следующий тип изразцов ученый датировал XV в. [97, с. 303–305]. Таким образом, З. Глогер одним из первых отметил, что найденные им изразцы не относятся к сосудам, и указал их расположение в печи. При работе с артефактами он использовал визуально-

описательный метод и поиск аналогий для изучения найденных им артефактов.

В 1911 г. в издании «Къ археологии Северо-Западного края России» вышла статья Е. Р. Романова «По Гродненскому Полесью (из записной книжки археолога)». В ней содержалась информация о том, что в Здитово (сегодня агрогородок Березовского района Брестской области) было найдено около 30 целых глиняных «сосудов». Ко времени приезда Е. Р. Романова их сохранилось только два экземпляра. Раскопки, проведенные исследователем на месте находки этих «сосудов», ничего не дали. В статье автор опубликовал фотографию «сосуда». Е. Р. Романов отметил, что не знает назначения данного «сосуда» и период его бытования. Он дал полное метрическое описание артефакта [61, с. 113]. Опубликованное фото позволяет говорить, что это горшкообразный изразец с устьем в виде трех лепестков.

В выпуске № 3 сборника «Могилевская старина» (1903) Е. Р. Романовым была дана классификация могилевских печных изразцов, которые он собрал при изучении берега Днепра на территории Подниколья – одного из посадов древнего города [60, с. 63]. Всего было собрано более двухсот экземпляров изразцов. Е. Р. Романов отметил, что среди находок встречаются изразцы, которые покрыты зеленой поливой полностью или частично, или не покрыты. Лицевые пластины всех изразцов были рельефные. Исследователь разделил данный вид изделий по типу орнамента, нанесенного на лицевую пластину, на пять видов. Некоторые виды по характеру изображенных на них сюжетов делились на группы [60, с. 62–64]. Е. Р. Романовым были найдены карнизные изразцы (5 шт.) с изображением львов, поддерживающих корону, и с «польскими буквами», но к отдельной группе или виду они отнесены не были [60, с. 64]. Он же высказал мысль о местном могилевском производстве изразцов.

Собранные материалы не сохранились, но судя по их описанию, основная масса артефактов относится к изразцам конца XVI – XVII в. с рельефной лицевой пластиной и румпой. Предложенная Е. Р. Романовым классификация стала революционной для своего времени. Принцип деления коробчатых (пластинчатых) изразцов по типу орнамента на лицевой пластине, дополненный учетом их формы и размеров, используется и в начале XXI в.

В БССР в 1920–60-е годы во время археологических раскопок позднесредневековые слои целенаправленно не изучали. Благодаря своей красоте многие

изразцы продолжали пополнять музейные коллекции, но предметом специального исследования они не становились. Им посвящали небольшие описания в музейных инвентарных книгах. Ярким примером тому является описание коллекции изразцов в инвентарной книге Виленского белорусского историко-этнографического музея имени Ивана Луцкевича, известного также как Белорусский музей в Вильно [16, с. 67; 96, с. 32–46]. В разделе W «Кафлі, цэглы і г. д.» было дано подробное описание изразцов [38, с. 187–189]. В описи, что немаловажно, даны сведения о сохранности изразцов (целые экземпляры или фрагменты), характер орнамента, наличие или отсутствие поливы и ее цвет, указано место изразца в архитектонике печи. Единственное, на чем хотелось бы заострить внимание, — здесь приведено описание только коробчатых (пластинчатых) изразцов, без намека на сосуновидные.

Увеличение количества изразцов в музеях ставило вопрос о их датировке и происхождении. Поскольку в большинстве случаев данные артефакты не привязывались к культурному слою, то и датировали их приблизительно — по стилю орнамента, по аналогиям из других государств: Польши, Чехии, Германии. В данном направлении в 1969 г. Р. Л. Розенфельдт опубликовал статью «Белорусские изразцы» [59, с. 178–184]. Обработанные исследователем терракотовые и зеленополивные изразцы происходили из Витебска, Минска, Мстиславля, Новогрудка и Полоцка. Р. Л. Розенфельдт стал одним из первых, кто обратил внимание на следующие технологические особенности изготовления белорусских изразцов: вид окислов поливы, текстуру теста и наличие видимых механических примесей, вид матрицы (формы), элементы румпы, совместный обжиг поливных и терракотовых изразцов. Исследователь также указал особенности изготовления угловых изразцов [59, с. 178–184].

1970–80-е годы стали переломными в изучении такого вида архитектурно-строительной керамики, как изразцы. С этого времени и вплоть до начала XXI в. интерес к данному виду артефактов не угасает. Об этом свидетельствуют десятки работ, посвященных только изразцам. Изразцы описаны в разделах монографий в качестве одного из важных элементов для характеристики материальной культуры эпохи. Весь массив публикаций можно разделить на условные проблемные группы. Цель такого деления — удобство ориентирования во всем потоке опубликованных работ по той или иной тематике исследования изразцов.

В первую группу включены публикации, в которых изразцы рассматриваются с точки зрения формально-типологической их классификации для коллекций ряда населенных пунктов или одного города, замка, усадьбы. Первая группа подчинена

проблемному, а не хронологическому принципу. В начале группы проанализированы работы обобщающего характера, которые описывают направления в изучении хронологии и типологии изразцов и изразцовых печей на территории Беларуси. После этого анализируются работы, посвященные изучению изразцов одного населенного пункта.

Важный шаг в направлении определения хронологии и типологии белорусских изразцов XIV–XVII в. был сделан в публикациях Л. Г. Паничевой [53; 56, с. 70–75]. Она проанализировала материалы из раскопок разных исследователей и на их основе попыталась создать общую картину эволюции белорусских изразцов, показала их связь с общеевропейским изразцовым производством. Исследовательницей были выделены три типа изразцов по конструктивным признакам (сосуновидные, решетчатые и изразцы с прямоугольными орнаментированными лицевыми пластинами), в каждом типе были выделены виды, а для первого еще и варианты [53, с. 3–6]. После рассмотрения всех типов белорусских изразцов автор пришла к выводу, что по формату и размерам они наиболее близки к польским, литовским и чешским изразцам, и несколько менее близки венгерским и немецким аналогам [53, с. 6]. При исследовании орнаментики Л. Г. Паничевой были выделены две классификационные ступени: вид — по характеру орнамента; разновидность — по элементам орнамента. В результате всю массу изученного материала удалось разделить на шесть следующих видов: с геометрическим, растительным, геральдическим, сюжетным и орнаментом религиозного характера, а также с изображениями животных [53, с. 7–10]. Предложенную Л. Г. Паничевой схему используют вплоть до настоящего времени.

В монографии О. А. Трусова «Памятники монументального зодчества Белоруссии XI–XVII вв. Архитектурно-археологический анализ» (1988) впервые подробно рассмотрены вопросы историографии и методики архитектурно-археологических исследований памятников монументального зодчества XI–XVII вв. на территории Беларуси, разработана классификация каменных кладок, кирпича, плиток пола, изразцов, черепицы, определена хронология их развития для основных памятников архитектуры. Благодаря этому комплексному исследованию изразцы и изразцовые печи стало возможным «поместить» в определенную среду самой постройки, неотъемлемой частью которой они являлись, и хронологически связать с такими строительными материалами, как кирпич и черепица [84]. О. А. Трусовым совместно с В. Е. Соболев и В. В. Угриновичем была уточнена схема развития белорусских изразцов, предложенная Л. Г. Паничевой. В основу схемы были положены материалы из Лидского замка. Исследователи также использовали изразцы из Мирского, Крев-

ского, Мозырского и Заславского замков, исторических центров Могилева и Мстиславля, Минска, Логойска, Копыси, Гольшан, Гродно [84, с. 130–133]. Такая схема изучения архитектурно-строительного материала была продолжена О. А. Трусковым в его работе «Манументальнае дойлідства Беларусі XI–XVIII стагоддзяў» (2001) [82, с. 37–51].

В альбоме-каталоге «Беларуская кафля» (1989) (авторы-составители: В. Е. Соболев, М. А. Ткачев, О. А. Трусов, В. В. Угринович) [5] были использованы материалы из археологических раскопок Лидского, Мирского, Мядельского, Гольшанского замков, Полоцка, Витебска, Могилева, Мстиславля, Гродно, Кричева, Молодечно, Славгорода и других городов. В работе кратко описано развитие изразцового искусства от его возникновения на территории Беларуси в XIV в. до начала XX в., дан обширный иллюстративный материал. Альбом-каталог стал первым изданием такого плана о белорусских изразцах.

В монографии О. Н. Левко «Средневековое гончарство северо-восточной Белоруссии» (1992) рассмотрены вопросы производства изразцов, представлена типология и хронология изразцов из двух самых крупных коллекций городов этого региона – Витебска и Орши. В основу изучения витебских изразцов положен принцип деления изразцов на отдельные хронологические группы в зависимости от комплекса признаков, ведущим среди которых является орнаментальный. Изразцы Орши (по материалам Кутейнского монастыря) делятся на группы, виды и типы [46, с. 23–25, 42–50].

В 1993 г. была опубликована работа О. А. Трусова «Беларускае кафлярства» [78], в которой исследователь определил основные этапы развития изразцового производства на территории белорусских земель, показал изменение формы и функционального назначения, наиболее употребляемые изображения, изменение формы самой печи.

О. А. Трусковым совместно с Н. И. Зданович в одном из разделов монографии «Беларуская паліваная кераміка XI–XVIII стст.» описаны особенности производства и декоративной обработки изразцов, рассмотрены отличия, характерные для западного и восточного регионов Беларуси [33, с. 45, 51–55, 72, 79–82, 141, 152–154, 172, 180, 182].

Среди наиболее важных общих работ необходимо указать «Археалогію Беларусі» (т. 4, 2001), в которой Ю. А. Заяц в разделе, посвященном изделиям из глины, подведен краткий итог изучения белорусских изразцов за период с конца XIX в. по 90-е годы XX в., разработана авторская классификация изразцов. Исследователь взял классическую схему деления белорусских изразцов на сосудобразные (горшкообразные и мискообразные), прорезные и коробчатые, а также четко указал отличия горшкообразных и мискообразных изразцов. Для горшко-

образных изразцов он выделил шесть вариантов по форме устья (круглое, квадратное, прямоугольное, треугольное, квадрифолийное и тетрофолийное) и дал нижнюю и верхнюю границы бытования каждого вида. Из мискообразных белорусских изразцов было выделено три варианта: с круглым, прямоугольным и квадратным устьем. Для каждого варианта были определены верхняя и нижняя границы бытования [3, с. 321–326]. В зависимости от формы лицевой пластины, наличия контурной рамки, вида рельефа Ю. А. Заяц для стенных изразцов было выделено пять хронологических типов. Некоторые типы были разделены исследователем на варианты. Отдельным подразделом Ю. А. Заяц рассматривает другие элементы изразцового комплекта печи: карнизные и поясковые изразцы, медальоны (панно), перемиčky, угловые изразцы, которые исследователь не считает самостоятельным видом, колонки (баласыны), коронки и навершия, покрытие купола или свода печи, обрамления устьев печей и терракотовые печные заслонки [3, с. 327–343].

Публикации по отдельным населенным пунктам представлены более обширным кругом работ, в которых даны: визуальное описание артефактов, формально-типологические схемы, стилистические направления изображаемых сюжетов, культурно-исторические контексты.

Полоцкие изразцы из раскопок П. А. Раппопорта в 1976 г. были изучены Л. Г. Паничевой. Она разделила все изразцы коллекции на сосудобразные с круглым и крестообразным устьем и изразцы с прямоугольными лицевыми пластинами, описала отличия в их производстве, состав формовочной массы, хронологические рамки бытования по аналогиям из соседних стран [54, с. 53–59]. Такое же описание материала было использовано ей при изучении сосудовидных изразцов и изразцов с прямоугольной лицевой пластиной (коробчатых, пластинчатых) Копыси и Новогрудка [50, с. 47–51; 52, с. 33–35].

Продолжили работу с полоцкими изразцами Ю. А. Заяц (см. группу по реконструкции и реставрации изразцов), Д. В. Дук, Н. И. Зданович, А. А. Соловьев [24, с. 215–217; 26, с. 370–373; 34, с. 103–125; 36, с. 237–247; 71]. Д. В. Дуком в ряде статей и на страницах монографических изданий была существенно дополнена формально-типологическая классификация полоцких изразцов XIV–XIX вв., показаны общие тенденции развития изразцового производства города, введены в научный оборот новые материалы. Все изразцы по конструктивным особенностям были разделены исследователем на три группы: горшковые, которые исследователь разделил на четыре варианта, прорезные и коробчатые (пластинчатые), которые делились на группы в зависимости от изображения на лицевой пластине [21, с. 167–173; 22, с. 162–169; 25, с. 50–93; 26, с. 370–373].

При изучении полоцких изразцов конца XVI – XVII в. Н. И. Зданович опиралась на их деление на стенные. По строению композиции и сюжетных мотивов они были разделены на группы. Те, в свою очередь, могли иметь разное количество вариантов, в основу выделения которых положены изображения на лицевых пластинах [34, с. 103–125]. По технологии производства полоцкие изразцы XVIII в. ученая разделила на три группы: монохромные (поливные и терракотовые), полихромные (белоголубые) и расписные. В зависимости от принципа оформления пластины изразцы делятся на типы, а типы – на варианты. Изразцы XIX в. связаны с мануфактурным производством [36, с. 237–247]. В 2005 г. Н. И. Зданович была издана работа «Кафлярства ў Беларусі (на матэрыяле калекцыі полацкай кафлі)», которая стала первым подробным методическим пособием по изучению изразцов на основании материалов одного города [37, с. 142–144].

В монографии А. А. Соловьева «Изразцы и печи полоцкого иезуитского коллегиума (конец XVI – первая треть XIX вв.): архитектурно-археологический очерк» (2013) на примере изучения комплекса зданий бывшего иезуитского коллегиума раскрыты особенности строительства печей и технологии изразцового производства на разных этапах существования этого комплекса, введен в научный оборот обширный изразцовый материал [71].

Витебские печные изразцы рассматривались в публикациях О. Н. Левко и Т. С. Бубенько. О. Н. Левко в работе «Витебские изразцы XIV–XVIII вв.» (1981) на основании обобщения археологического материала разных исследователей (всего было обработано около 2500 фрагментов и целых изразцов) проследила технологию производства изразцов Витебска XIV–XVIII вв., их орнаментику. Были выделены хронологические группы, близкие между собой по технологическому и орнаментальному признакам, произведена графическая реконструкция внешнего оформления изразцовых печей XVII–XVIII вв. О. Н. Левко в своей работе по изучению витебских изразцов кроме письменных источников привлекла данные топографии в поисках места, где жили гончары, которые занимались производством изразцов, и данные этнографии для изучения видов обогревательных печей [44, с. 8, 13]. Исследовательница выделила два основных раздела для описания коробчатых изразцов. Технологический раздел включает в себя изучение формы изготовления (соединение румпы с лицевой пластиной), вида крепления изразца, обжига, сырья и примесей, обработки лицевой поверхности, вид полив и их составляющие. Морфологический раздел основывается на описании формы и размера лицевой пластины, типа изразца, на характеристике румпы и орнамента [46, с. 136].

Типология и хронология сосудообразных и коробчатых (пластинчатых) изразцов Витебского Замка

XVI–XVIII вв. описаны Т. С. Бубенько. Сосудообразные изразцы разделены ученой на три вида – горшкообразные, мискообразные и «квадратные по форме изделия, формованные из одного куска глины». Коробчатые изразцы разбиты хронологически на несколько групп, для каждой из которых даны описания размеров и толщины лицевых пластин, оконтуривающих рамок и румп, виды орнаментального заполнения [8, с. 253–272].

Общую характеристику развития изразцов минского замчища и исторической части города предложили В. Е. Соболев и В. В. Угринович [69, с. 162–165].

Горшковые и коробчатые изразцы XVI–XVII вв. из Друи (по итогам археологических раскопок 1986–1988 гг.) были проанализированы В. Я. Зайцевой [27, с. 80–88].

Коллекция изразцов XVI в. из Клецка была описана В. С. Поздняковым и Т. С. Бубенько. Кроме горшковых и коробчатых (пластинчатых) значительную часть артефактов составили прорезные (ажурные) экземпляры, которые являются очень редкой находкой на белорусских землях. Исследователи высказали предположение об особенностях производства таких изразцов. Авторы приводят ряд доводов о возможности закупки или изготовления изразцов иностранцами на месте [49, с. 33–38].

В 1990 г. вышла работа Ю. А. Заяца «Заславская кафля», посвященная изучению изразцового производства Заславля. В данной работе исследователем была обработана значительная коллекция изразцов XV–XVIII вв. (1120 единиц). Ю. А. Заяц на основании этого материала охарактеризовал различные типы изразцов, развитие их форм, орнаментальных сюжетов, предложил свою оригинальную авторскую реконструкцию заславских печей [30].

Коллекция изразцов (около 4000 фрагментов) XV–XVIII вв. Окольного города Мстиславля и Тупичевского монастыря, собранная за 1981–1986 гг. археологических исследований города, описана О. А. Трусовым. Все артефакты были разделены на горшковые, которые делились на четыре группы по форме устья, и коробчатые, которые включали изразцы с растительным, геометрическим, геральдическим, зооморфным, мифологическим и сюжетным видами орнамента. Исследователь отмечает разнообразие орнаментики мстиславских изразцов. Доказательством тому служит реконструкция около 60 вариантов орнаментики лицевых пластин [85, с. 334–340].

Собранные в 1985–1988 гг. в Гродно на территории Старого замка горшковые (657 фрагментов) и коробчатые изразцы (2620 фрагментов) охарактеризованы О. А. Трусовым [77, с. 63–67]. Гродненские изразцы второй половины XVI – начала XVII в. эпохи Возрождения рассмотрены О. А. Трусовым и А. К. Кравцевичем [79, с. 228–233].

После Е. Р. Романова долгое время никто не занимался могилевскими печными изразцами. Крупная коллекция (более 1000 фрагментов изразцов XVII в.) из Могилева была изучена в ходе архитектурно-археологических исследований, проведенных в 1979–1981 гг. По орнаментации лицевой пластины изразцы были разделены на шесть типов: с зооморфными сюжетами, растительным, геометрическим, религиозным орнаментами, геральдическими сюжетами и сочетанием растительных и геометрических элементов [72, с. 71–74].

Нами были рассмотрены некоторые вопросы производства коробчатых (пластинчатых) изразцов региона Могилевского Поднепровья и Посожья (по данным Кричева, Могилева, Мстиславля) [90, с. 93–94]. Привлечение письменных источников (приходно-расходные книги могилевского магистрата) позволило узнать много нового об изразцах и изразцовых печах города в 1680–1700 гг.: стоимость материалов и изразцов, имена мастеров, виды услуг по работе с изразцами, которые оплачивались магистратом, этапы строительства печи и уход за ней [94, с. 46–52].

Г. В. Штыховым, В. В. Угриновичем, О. А. Трусовым кратко описаны коробчатые (пластинчатые) изразцы XVI–XVII вв. Логойского замка [89, с. 32].

О. А. Трусовым изучены изразцы Мирского замка и изразцы конца XVI – XVIII в. Кревского замка [74, с. 162–168; 80, с. 212–228].

Изразцы XVI в. Глусского замка рассмотрены И. В. Ганецкой [14, с. 180–191].

А. В. Абражевич и А. А. Метельским классифицированы изразцы XVI–XVII вв. Несвижского замка (по материалам археологических исследований 2001–2011 гг.) [2, 150–160].

Коллекция изразцов XVI–XVIII вв. из раскопок замка в Старом Быхове в 2013 г. изучена нами [93, с. 247–248; 95, с. 92–98].

Привлекают внимание исследователей изразцы, найденные во время изучения феодальных усадеб. М. В. Климовым описаны типология и хронология сосудообразных изразцов усадьбы в Лучно [39, с. 162–168].

Во всех работах, рассмотренных выше, исследователями для описания печных изразцов использованы формально-типологический и исторически-сравнительный методы, визуальное описание изразцов, частично охарактеризованы процессы, связанные с технологией их производства.

Нельзя обойти стороной монографии и историко-археологические очерки по изучению городов, в которых изразцам посвящены отдельные разделы, главы или подразделы. Среди них работы О. Н. Левко «Витебск 14–18 вв. (стратиграфия, хронология, социально-историческая топография и технология производства)» (1984), «Средневековая Орша и ее округа (Историко-археологический очерк)» (1993),

«Витебск» (Древнейшие города Беларуси) (2010). Ю. А. Заяца «Заславль в эпоху феодализма» (1990), А. К. Кравцевича «Гарады і замкі беларускага Панямоння XIV–XVIII стст. Планіроўка, культурны слой» (1991), А. К. Кравцевича и Г. М. Якшука «Стары Мір» (1993), И. А. Марзая «Магілёў у XII–XVIII стст. Людзі і рэчы» (1998), А. А. Метельского «Старадаўні Крычаў. Гісторыка-археалагічны нарыс горада ад старажытных часоў да канца XVIII ст.» (2003), Д. В. Дука «Полацк XVI–XVIII стст.: нарысы тапаграфіі, гісторыі матэрыяльнай культуры і арганізацыі жыццёвай прасторы насельніцтва беларускага горада» (2007).

Вторая группа исследований включает в себя публикации, посвященные изучению отдельных категорий изразцов по изображаемому на них сюжету. Общие тенденции производства, колорита и сюжетов на лицевых полихромных белорусских изразцах рассмотрены О. А. Трусовым и В. В. Угриновичем в статье «Беларуская паліхромная кафля» (1983) [73, с. 21–22].

Ю. А. Заяц и О. Н. Левко при изучении белорусских изразцов с изображением человека предложили разделить их на условные (передают только некоторые черты лица или очертания фигур), условно конкретные (сюда относятся геральдические и сюжетные изразцы) и портретные (с реалистическим изображением человека) [28, с. 53–55].

Антропоморфные изображения на белорусских изразцах XV–XVII вв. в целом, на мстиславских и могилевских – в частности, рассмотрены О. А. Трусовым. Сюжеты на белорусских изразцах исследователь разбил на три большие группы: общегосударственные, характерные для ВКЛ или всей Речи Посполитой; региональные, используемые в нескольких близких друг к другу гончарных центрах; индивидуальные, которые выполняли по специальному заказу. По размерам, форме и характеру «портретные» изображения включены исследователем в три группы [75, с. 64–66; 76, с. 102–103; 81, с. 11–15].

Антропоморфные изображения евангельского характера на изразцах из полоцкого иезуитского коллегиума конца XVI – середины XVII в. были реконструированы и подробно описаны А. А. Соловьевым [65, с. 220–224].

Изразцы с геральдическими мотивами стали объектом изучения в публикациях Ю. А. Заяца по материалам из Заславля, Т. С. Бубенько и Л. В. Хмельницкой – Витебска, Д. В. Дука – Полоцка, И. В. Ганецкой – Глусского замка [7, с. 115–121; 13, с. 140–156; 20, с. 108–119; 29, с. 68–71].

Поиску прототипа религиозного сюжета изразца со св. Юрием из Мстиславля, убивающим дракона (змия), посвящена статья Ю. А. Заяца [32, с. 84–87].

В. В. Угриновичем значительное внимание уделено искусствоведческому и семантическому ана-

лизу наиболее популярных сюжетов на белорусских изразцах: изразцов с изображением на лицевой пластине букета и «дерева жизни» [86, с. 32; 87, с. 47–48].

Майоликовые белорусские изразцы наряду с майоликовой посудой изучены И. В. Ганецкой [9, с. 75–76; 10, с. 165–178; 11; 12, с. 67–88]. Исследовательница описала изменения тематики изображений, цветовой гаммы изделий и технологические приемы обработки поверхности майоликовых изразцов на протяжении XVI–XVIII вв., обобщила данные о памятниках, на которых были найдены образцы майоликовых изразцов XVI в. [10, с. 165–178].

В начале XXI в. актуализируется тема, связанная с семантикой и декором изображений на лицевой пластине коробчатых (пластинчатых) изразцов. Этой теме посвящены статьи Н. И. Зданович по некоторым категориям «гротесковых» изображений белорусских изразцов, Д. В. Дука и П. И. Мишина по полоцким материалам, П. А. Русова по материалам из Мира и Минска [19, с. 47–51; 23, с. 42–46; 35, с. 47–50; 48, с. 187–193; 63, с. 69–85; 64, с. 142–144].

А. Н. Кушнеревич на основе своих материалов и материалов исследователей других стран попытался обобщить всю информацию о готических изразцах с земель, входивших в состав ВКЛ [41, с. 619–629; 42, с. 127–138; 43, с. 237–246].

К третьей группе отнесены работы, в которых для изучения изразцов привлечены методы естественных наук. В отношении хронологии позднесредневековых изразцов Л. Г. Паничева использовала не только типологическую и стилистическую классификацию, но и привлекла также стратиграфическое и дендрохронологическое датирование артефактов. В соответствии с этими данными была выделена относительная и абсолютная хронология бытования изразцов [53, с. 10–14].

О. Н. Левко провела химический и термический анализы витебской керамики, в том числе и изразцов. Это позволило ей выделить группы керамики XIV–XVIII вв., которые отличались по своему химическому составу, а также определить атмосферу (окислительная и восстановительная) и температуру обжига разных категорий керамических изделий [45, с. 130–131].

Качественный спектральный анализ полив изразцов из Мстиславля приведен И. В. Ганецкой в статье «Мастацкая кераміка Мсціслава», что позволило определить химический состав поливы и вид красителя для каждого цвета поливы [9, с. 75].

И. И. Синчуком и Т. Левковой было осуществлено петрографическое изучение керамики из раскопок в Могилеве и Быхове. Изучение образцов изразцов (18 шлифов) с использованием поляризационного микроскопа позволило исследователям определить характер используемого сырья: температуру обжига, минеральный состав, происхождение и количество отошителей [47, с. 179–189]. И. И. Синчуком для изучения могилевской керамики, в том числе

изразцов, привлечены методы физико-химического исследования материала. Керамическую массу изучали методом рентгеноспектрального анализа, поливы изразцов – методами электронного микронного анализа и оптического спектрального анализа. Изучение керамической массы позволило определить свойства и назначение глины, температуру обжига, отличие в могилевских и гродненских образцах. Исследователи определили, что все поливы свинцовые, в незеленых поливах в качестве глашителя использовано олово, в составе всех полив обнаружена медь, и описали то, как достигался различный цвет полив [58, с. 148–162].

В публикации В. Е. Соболя, В. А. Мансурова и А. В. Карпеченко «Кафля і пальчатка: погляд з функцыянальнага боку» (1992) приведены примеры идентификации таких видов архитектурно-строительной керамики, как изразцы и кирпич-пальчатка калометрическим методом [70, с. 74–80]. Исследователи при помощи сканирующего калориметра создали ряд термограмм (одну – для друйских изразцов XVI–XVII вв., вторую – для минских изразцов XVII–XVIII вв.). Похожим методом пользуются при изучении состава горных пород. Таким образом, для изучения изразцов был привлечен еще один метод, однако широкого распространения он не получил.

Четвертую группу составляют работы, связанные с изучением обжигательных устройств – горнов. Остатки таких обжигательных устройств – редкая находка. Один из горнов был найден в Минске во время строительных работ. Археологи под руководством В. Е. Соболя изучили его. Горн был цилиндрический двухкамерный. Находка горна была датирована серединой – концом XVI в. [68, с. 30]. Еще один горн был найден в 1986 г. во время раскопок в Друе, но сохранность его плохая. В. Я. Зайцева считает, что он по своей структуре был похож на минский [27, с. 83].

Работы, посвященные вопросам реконструкции и реставрации изразцов и изразцовых печей, составляют пятую группу. Л. В. Паничева попыталась на основании анализа комплекса изразцов, с привлечением европейских аналогий реконструировать печи средневекового Полоцка, что стало важным толчком для начала поиска методов реконструкций печей в других городах и замках [55, с. 274–280].

В публикациях И. В. Ганецкой, Ю. А. Заяца, М. В. Климова, П. А. Русова, И. И. Синчука, О. А. Трусова обращено внимание на вопросы, связанные с исследованием устройства печи, особенностями ее облицовки и реконструкции [15, с. 137–144; 31, с. 92–102; 39, с. 148–154; 62, с. 251–257; 66, с. 27–28; 83, с. 52–65].

И. И. Синчуком проанализированы недостатки муляжей печей XVII в., созданных при реставрации Несвижского замка [67, с. 224–244].

В 2006 г. с началом реконструкции Мирского замка исследователи столкнулись с рядом проблем

по изучению изразцов. А. Костко поднял вопрос качества реконструкции изразцов и изразцовых печей Беларуси, высказал идею о необходимости изготовления не муляжей изразцов и печей, а проведения ряда экспериментов для получения необходимых результатов [40, с. 103–110]. П. Прокопцовым предложены реконструкция и методика восстановления изразцов через подчинение законам геометрии и создание условного макета [57, с. 111–120].

Работы, связанные с вопросами историографии проблемы в отдельных регионах Беларуси, составляют шестую группу. А. Добрян рассмотрел историю исследования изразцов на территории Гродненщины [18, с. 277–284], Н. П. Шуткова – вопросы изучения изразцов городов Могилевского Поднепровья и Посожья [91, с. 73–83; 92, с. 38–44].

Работы, связанные с общими методами изготовления белорусских и русских изразцов, составляют седьмую группу. Связи белорусского изразцового искусства с русским отражены в работах С. В. Бессонова, Л. С. Абецдарского, Л. Г. Паничевой, С. И. Барановой. Исследователями была рассмотрена деятельность белорусских мастеров в Московском государстве. На основании изучения архивных документов были идентифицированы имена наиболее известных мастеров по изготовлению изразцов, выяснено, откуда они были родом, какие виды работ выполняли, какие новации внесли в русское изразцовое производство [1; 4, с. 266–291; 6, с. 75–81; 51, с. 30–32]. В эту же группу необходимо отнести статью О. Дерновича «Шляхі пранікнення кафлі на Беларусь: да пытання беларуска-нямецкіх кантактаў» (1996) [17, с. 245–250].

Заключение. История изучения изразцов, найденных на территории Беларуси, начинается в конце XIX в. В дореволюционную эпоху З. Глогером было установлено существование в более ранние эпохи изразцов, не похожих на коробчатые (пластинчатые) и имеющих сосудобразную форму. Для их изучения использовали визуально-описательный метод и метод аналогий. Знание о сосудобразных изразцах не стало повсеместным, о чем говорит их описание как сосудов. В это же время для могилевских коробчатых (пластинчатых) изразцов Е. Р. Романовым была создана первая классификация по типу орнамента на лицевой пластине. Исследователем было обращено внимание на их местное производство и декоративную обработку.

До конца 1960-х годов изразцы не привлекали пристального внимания исследователей. Ситуация

изменилась в 1970–80-е годы. Визуальное описание изразцов и поиск их аналогий среди материалов других государств стали повсеместными. Попытка создания общей картины эволюции белорусских изразцов и их формальная классификация были предложены Л. Г. Паничевой. Исследовательница использовала не только типологическую и стилистическую классификацию, но впервые и данные стратиграфии и дендрохронологии. В работе по изучению витебских изразцов О. Н. Левко были дополнительно привлечены данные топографии и этнографии, проведен химический и термический анализ материала. Благодаря архитектурно-археологическим исследованиям О. А. Трусова изразцы стали объектом комплексного изучения архитектурно-строительной керамики. Этим ученым совместно с В. Е. Соболевым и В. В. Угриновичем была уточнена схема развития белорусских изразцов, предложенная Л. Г. Паничевой. Ю. А. Заяцем был подведен краткий итог изучения белорусских изразцов за период с конца XIX в. по 90-е годы XX в., разработана авторская классификация стенных коробчатых (пластинчатых) изразцов. Эти принципы и методы в той или иной степени использовали и продолжают использовать исследователи при изучении изразцов и изразцовых печей белорусских городов, замков, местечек, монастырей, храмов и феодальных усадеб. Вышли десятки работ, в которых в преобладающем большинстве для изучения изразцов привлечены визуально-описательный, формально-типологический, исторически-сравнительный методы, а также данные стратиграфии изученных памятников, дендрохронология. Появились исследования, посвященные химическому, термическому и петрографическому анализу изразцов; исследования с использованием калометрического метода с построением термограмм, рентгеноспектрального анализа, методов электронного микронзондового анализа и спектрального анализа. Однако в отечественной науке последняя группа исследований широкого распространения пока не получила. Учеными были также освещены вопросы, касающиеся изображений на лицевых пластинах изразцов, проблем реконструкции и реставрации изразцов и изразцовых печей, некоторых аспектов технологии производства. Дальнейшее изучение изразцового производства нами видится в более широком привлечении методов естественных наук и разработке экспериментального подхода.

Литература

1. Абецдарский, Л. С. Белорусы в Москве XVII в. Из истории русско-белорусских связей / Л. С. Абецдарский. – Минск : Изд-во БГУ, 1957. – 62 с.
2. Абражэвіч, А. У. Тыпалогія кафлі Нясвіжскага замка канца XVI – XVII ст. (па матэрыялах археалагічных даследаванняў ў 2001–2011 гг.) / А. У. Абражэвіч, А. А. Мяцельскі // МАБ : зб. навук. арт. – Мінск, 2012. – Вып. 23 : Археалагічныя даследаванні на тэрыторыі Беларусі ў 2009–2010 гадах. – С. 150–160.

3. Археалогія Беларусі : у 4 т. / под науч. ред. П. Ф. Лысенко. – Минск : Беларуская навука, 2001. – Т. 4 : Помнікі XIV–XVIII стст. – 597 с.
4. Баранова, С. И. «Поднос образцовых кафель». Изразцы и изразцовых дел мастера-ценинники / С. И. Баранова // Беларусы Москвы. XVII век / сост.: О. Д. Баженова, Т. В. Белова. – Минск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2013. – С. 266–291.
5. Беларуская кафля [альбом-каталог] / аўт.-склад.: В. Е. Собаль, М. А. Ткачоў, А. А. Трусаў, У. В. Угрыновіч. – Мінск, 1989. – 161 с.
6. Бессонаў, С. В. Беларускія мастацкія майстры ў Маскве XVII стагоддзя / С. В. Бессонаў // Весці Акад. навук БССР. Addzalenie gramadskіх навук, Сер. гістарычная. – 1947. – Вып. 1. – С. 75–81.
7. Бубенька, Т. С. Кафля з гербам Агінскіх з Віцебска / Т. С. Бубенька, Л. У. Хмяльніцкая // ГАЗ. – Мінск : Ін-т гісторыі АН Беларусі, 1994. – № 3. – С. 115–121.
8. Бубенько, Т. С. Типология и хронология изразцов Витебского Замка XVI–XVIII в. / Т. С. Бубенько // Sredniowieczne i Nowożytnie Kafle. Regionalizmy – Podobieństwa – Różnice / pod redakcją Marii Dąbrowskiej i Haliny Karwowskiej. – Białystok, 2007. – S. 253–272.
9. Ганецкая, І. У. Мастацкая кераміка Мсціслава / І. У. Ганецкая // Весці Акад. навук БССР, Сер. грамад. навук. – Мінск, 1990. – № 1. – С. 75–80.
10. Ганецкая, І. Тэхналогія дэкаратыўнай апрацоўкі маёлікавых вырабаў на Беларусі ў XVI–XVIII ст. / І. Ганецкая // З глыбі вякоў. – 1992. – С. 165–178.
11. Ганецкая, І. У. Маёліка на Беларусі ў XI–XVIII стст. / І. У. Ганецкая. – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – 120 с. : ил.
12. Ганецкая, І. У. Беларуская маёліка XVI–XVIII стст. / І. У. Ганецкая // З глыбі вякоў. Наш край: Гістарычна-культуралагічны зборнік / навук. рэд. А. К. Краўцэвіч. – Мінск : Беларуская навука, 1997. – Вып. 2. – С. 67–88.
13. Ганецкая, І. У. Геральдычная кафля Глускага замка / І. У. Ганецкая // МАБ : зб. навук. арт. – Мінск : Інститут гісторыі. – 2006. – Вып. 11 : Старажытнасці Беларусі ў сістэме міжкультурных сувязей / [навук. рэд. А. М. Мядзведзеў]. – С. 140–156.
14. Ганецкая, І. У. Кафля XVI ст. з раскопак у Глускім замку / І. У. Ганецкая // МАБ : зб. навук. арт. – Мінск, 2006. – Вып. 12 : Археалогія і гісторыя Гродзеншчыны / [навук. рэд. В. М. Ляўко]. – С. 180–191.
15. Ганецкая, І. Рэканструкцыя печаў Глускага замка / І. Ганецкая // Нясвіжскі палац Радзівілаў: гісторыя, новыя даследаванні. Вопыт стварэння палацавых музейных экспазіцый : матэрыялы 1-й Міжнар. навук.-практ. канф. – Нясвіж, 2010. – С. 137–144.
16. Гужалоўскі, А. Сабранае застаецца, калі свой не адхінецца...: Іван Луцкевіч – збіральнік беларускіх старажытнасцяў / А. Гужалоўскі // Мастацтва Беларусі. – 1991. – № 10. – С. 67–69.
17. Дзярновіч, А. Шляхі пранікнення кафлі на Беларусь: да пытання беларуска-нямецкіх кантактаў / А. Дзярновіч // З глыбі вякоў / навук. рэд. А. К. Краўцэвіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1996. – Вып. 1 : Наш край. – С. 245–250.
18. Добрыян, А. «История исследования кафли на территории Гродненщины» / А. Добрыян // Sredniowiecznej Nowożytnie Kafle. Regionalizmy – Podobieństwa – Różnice pod redakcją Marii Dąbrowskiej i Haliny Karwowskiej. – Białystok, 2007. – S. 277–284.
19. Дук, Д. У. Аб адным «паралельным» сюжэце Полацкай і Магілёўскай кафлі з выявамі рыцараў / Д. У. Дук // Мінская і сучасная гісторыя Магілёва. – Магілёў, 2001. – С. 47–51.
20. Дук, Д. У. Аб прыналежнасці некаторых груп полацкай кафлі з геральдычнымі матывамі / Д. У. Дук // Каштоўнасці мінуўшчыны–4. – Мінск, 2001. – С. 108–119.
21. Дук, Д. У. Полацкая кафля XIV – сярэдзіны XVI стст. / Д. У. Дук // ГАЗ. – Мінск. – № 16. – 2001. – С. 167–173.
22. Дук, Д. У. Полацкая кафля і вера палачанаў / Д. У. Дук // Спадчына. – 2001. – № 1–2. – С. 162–169.
23. Дук, Д. У. Цеплыня ад цеплыні. Дэкор полацкай кафлі XVII ст. / Д. У. Дук // Мастацтва. – 2001. – № 5. – С. 42–46.
24. Дук, Д. У. Новыя знаходкі рэнесанснай кафлі ў Полацку (да пытання аб сацыятаграфічнай структуры запаляцкага пасада ў першай палове XVI ст.) / Д. У. Дук, А. А. Салаўёў // МАБ : зб. навук. арт. – 2007. – № 14. – С. 215–217.
25. Дук, Д. У. Полацк XVI–XVIII стст.: нарысы тапаграфіі, гісторыі матэрыяльнай культуры і арганізацыі жыццёвай прасторы насельніцтва беларускага горада / Д. У. Дук. – Наваполацк : Полацкі дзярж. ун-т, 2007. – 268 с.
26. Дук, Д. В. Изразцы XIV – начала XIX в. / Д. В. Дук // Полоцк / О. Н. Левко [и др.] ; Нац. акад. наук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларуская навука, 2012. – 743 с. : ил. – (Древнейшие города Беларуси).
27. Зайцава, В. Я. Кафля XVI–XVII стст. з Друі / В. Я. Зайцава // Весці Акад. навук БССР, Сер. грамад. навук. – 1990. – № 1. – С. 80–88.
28. Заяц, Ю. А. Беларуская кафля з выявай чалавека / Ю. А. Заяц, В. М. Ляўко // Мастацтва Беларусі. – 1984. – № 3. – С. 53–55.
29. Заяц, Ю. А. Таямніцы геральдыкі: Датаванне некаторых тыпаў заслаўскай кафлі / Ю. А. Заяц // Мастацтва Беларусі. – 1985. – № 8. – С. 68–71.
30. Заяц, Ю. А. Заслаўская кафля / Ю. А. Заяц. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 62 с.
31. Заяц, Ю. А. О постройке с изразцовыми печами возле княжеского терема в Полоцке / Ю. А. Заяц // ГАЗ. – Мінск : Ін-т гісторыі Акад. навук Беларусі, 1997. – № 12. – С. 92–102.
32. Заяц, Ю. А. О прототипе изображения на лицевой пластине изразца XVII в. из Тупичевского монастыря в г. Мстиславле / Ю. А. Заяц // Религия и общество–3: актуальные проблемы современного религиоведения : сб. науч. трудов / под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев : УО «МГУ им. А. А. Кулешова», 2008. – С. 84–87.
33. Здановіч, Н. І. Беларуская паліваная кераміка XI–XVIII стст. / Н. І. Здановіч, А. А. Трусаў. – Мінск, 1993. – 183 с.

34. Здановіч, Н. І. Полацкая кафля канца XVI – XVII стст. / Н. І. Здановіч // ГАЗ. – Мінск : Ін-т гісторыі АН Беларусі, 1997. – № 12. – С. 103–125.
35. Здановіч, Н. І. Гратэскавае люстэрка кафлярства / Н. І. Здановіч // Мастацтва. – 2001. – № 2. – С. 47–50.
36. Здановіч, Н. І. Кафля XVIII – пачатку XX ст. з Полацка / Н. І. Здановіч // МАБ : зб. навук. арт. – Мінск, 2002. – № 5. – С. 237–247.
37. Здановіч, Н. І. Кафлярства ў Беларусі (на матэрыяле калекцыі полацкай кафлі) : метадычны дапаможнік / Н. І. Здановіч – Мінск : БДПУ, 2005. – 102 с.
38. Інвэнтарная кніга Музею імя Ів. Луцкевіча Беларускага Навуковага Таварыства ў Вільні № 1 // Спадчына. – 1995. – № 5. – С. 163–189.
39. Клімаў, М. В. Матэрыялы па рэканструкцыі печаў з посудадобнай кафляй / М. В. Клімаў // МАБ : зб. навук. арт. – Мінск, 2003. – № 7. – С. 148–154.
40. Костка, А. Прастора мінулага. Праблемы, звязаныя з адсутнасцю эксперыментальнай практыкі па ўзнаўленні аб'ектаў археалагічнай керамікі / А. Костка // Мірскі замак / [навук. рэд. А. У. Карпенка]. – Мінск : Белпрэнт, 2008. – С. 103–110.
41. Кушнеревіч, А. Н. Готыцкія изразцы ВКЛ / А. Н. Кушнеревіч // Памятнікі культуры: новыя адкрыцці: Письменность, Искусство. Археология : ежегодник. 2004. – М., 2006. – С. 619–629.
42. Кушнярэвіч, А. М. Партрэтная кафля XVI ст. / А. М. Кушнярэвіч, А. А. Трусаў // Спадчына. – 2000. – № 2. – С. 127–138.
43. Кушнярэвіч, А. М. Гатычная посудадобная кафля Вялікага Княства Літоўскага XIV–XV стст. / А. М. Кушнярэвіч // Весці Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. – 2002. – № 3. – С. 237–246.
44. Левко, О. Н. Витебские изразцы XIV–XVIII вв. / О. Н. Левко. – Мінск : Наўка і тэхніка, 1981. – 120 с.
45. Левко, О. Н. Методыка изучения позднесредневековой керамики Витебска / О. Н. Левко // Древности Белоруссии и Литвы [сб. статей] / Ин-т истории Акад. наук БССР, Ин-т истории ЛитССР ; [науч. ред.: Л. Д. Поболь, А. З. Таутавичюс]. – Мінск : Наўка і тэхніка, 1982. – С. 129–137.
46. Левко, О. Н. Средневековое гончарство северо-восточной Белоруссии / О. Н. Левко / под ред. Г. В. Штыхова. – Мінск, 1992. – 127 с. : ил.
47. Ляўкова, Т. Петраграфічнае вывучэнне керамікі з раскопак у Магілёве і Быхаве / Т. Ляўкова, І. Сінчук // 3 глыбі вякоў. Наш край : гісторыка-культуралагічны зборнік. – Мінск, 1992. – С. 179–189.
48. Мишин, П. И. Семантика некоторых зооморфных изображений на полоцкой кафле / П. И. Мишин // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. – Полацк, 2002. – С. 187–193.
49. Пазднякоў, В. С. Подых незвычайнай эпохі. Клецкая кафля XVI стагоддзя / В. С. Пазднякоў, Т. С. Бубенька // Мастацтва Беларусі. – 1991. – № 3. – С. 33–38.
50. Панічава, Л. Р. Дэкаратыўная кераміка Копысі / Л. Г. Панічава // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1974. – № 3. – С. 47–51.
51. Панічава, Л. Р. Беларускія цанінікі ў Маскве / Л. Г. Панічава // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1976. – № 3. – С. 30–32.
52. Панічава, Л. Р. Навагрудская кафля / Л. Г. Панічава // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1980. – № 2. – С. 33–35.
53. Паничева, Л. Г. Белорусские изразцы XIV–XVII вв. как исторический источник : автореф. канд. дис. / Л. Г. Паничева. – Л., 1980. – 16 с.
54. Паничева, Л. Г. Полоцкая архитектурно-декоративная керамика XIV–XVII вв. / Л. Г. Паничева // Средневековые древности Восточной Европы : краткие сообщения. – М., 1980. – № 160. – С. 53–59.
55. Паничева, Л. Г. Изразцы и изразцовые печи позднесредневекового Полоцка / Л. Г. Паничева // СА. – 1981. – № 3. – С. 274–280.
56. Паничева, Л. Р. Хронология белорусских изразцов XIV–XVII вв. / Л. Г. Паничева // Краткие сообщения Ин-та археологии Акад. наук СССР. – М., 1984. – Вып. 179. – С. 70–75.
57. Пракапцоў, П. Тыпалагічныя асаблівасці і праблемы рэканструкцыі мірскай кафлі / П. Пракапцоў // Мірскі замак / [навук. рэд. А. У. Карпенка]. – Мінск : Белпрэнт, 2008. – С. 103–110.
58. Раханский, И. Е. Физико-химическое исследование археологической керамики XVII–XVIII вв. из г. Могилева / И. Е. Раханский, И. И. Синчук, Б. О. Филонов // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Тверь, 2014. – Вып. 7. – С. 148–162.
59. Розенфельдт, Р. Л. Белорусские изразцы / Р. Л. Розенфельдт // Древности Восточной Европы. – М., 1969. – С. 178–184.
60. Романов, Е. Р. Изъ Могилевской старины // Могилевская старина / Е. Р. Романов. – Могилев, 1902–1903. – Вып. 3. – С. 62–64.
61. Романов, Е. Р. Къ археологии Северо-Западного края России / Е. Р. Романов // Издание Северо-Западного отдела Императорского Русского Географического Общества. – Вильна, 1911. – С. 9–18.
62. Русаў, П. А. Абліцоўка вусцяў менскіх печаў XVI–XVII стст. / П. А. Русаў // ГАЗ / саст.: А. М. Мядзведзеў, А. А. Мяцельскі. – Мінск, 2004. – № 19. – С. 251–257.
63. Русаў, П. Семантыка выяў на кафлі з Міра / П. Русаў // Мірскі замак / [навук. рэд. А. У. Карпенка]. – Мінск : Белпрэнт, 2008. – С. 69–85.

64. Русаў, П. А. Семантыка выяў кафлі позняга сярэднявечча Мірскага замка і Менска / П. А. Русаў // МАБ : зб. навук. арт. – Мінск, 2010. – Вып. 19 : Археалогія і гісторыя Гродзеншчыны / рэдкал.: В. М. Ляўко (гал. рэд.) [і інш.]. – С. 142–144.
65. Салаўёў, А. А. Новыя знаходкі сюжэтных кафляў у Полацку / А. А. Салаўёў // МАБ : зб. навук. арт. – 2011. – Вып. 21. – С. 220–224.
66. Синчук, И. И. О реконструкции печных орнаментов XVI–XVIII вв. / И. И. Синчук // Мастацкая спадчына Беларусі: шляхі і перспектывы даследавання. – Мінск, 2001. – С. 27–28.
67. Синчук, И. И. Муляжи печей Несвижского замка / И. И. Синчук // Вестник Псковского государственного университета. – Псков, 2013. – Вып. 2. – Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. – С. 224–244.
68. Собаль, В. Е. Цікавая знаходка / В. Е. Собаль // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1980. – № 2. – С. 29–30.
69. Собаль, В. Е. Кафля Мінска XV–XVIII стст. / В. Е. Собаль, В. В. Угрыновіч // Помнікі старажытнабеларускай культуры. – Мінск, 1984. – С. 162–168.
70. Собаль, В. Е. Кафля і пальчатка: погляд з функцыянальнага боку / В. Е. Собаль, В. А. Мансураў, А. В. Карпечанка // Весці Акад. навук Беларусі, Серыя грамад. навук. – Мінск : Беларуская навука, 1992. – № 2. – С. 74–80.
71. Соловьев, А. А. Изразцы и печи полоцкого иезуитского коллегіума (конец XVI – первая треть XIX вв.) : архитектурно-археологический очерк / А. А. Соловьев. – Полоцк : Полоцк. книжн. изд-во, 2013. – 95 с. : ил., VIII с. цв. ил.
72. Трусаў, А. А. Архітэктурна-археалагічныя даследаванні гістарычнага цэнтра Магілёва / А. А. Трусаў, І. М. Чарняўскі, В. Р. Кукуня // Весці Акад. навук БССР. Сер. гуманіт. навук. – 1983. – № 5. – С. 67–76.
73. Трусаў, А. А. Беларуская паліхромная кафля / А. А. Трусаў, У. В. Угрыновіч // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1983. – № 4. – С. 21–22.
74. Трусаў, А. А. Кафля Мірскага замка // Помнікі старажытнабеларускай культуры. – Мінск, 1984. – С. 162–168.
75. Трусаў, А. А. Вобраз спрадвечны і вечны. Антрапаморфныя выявы на беларускай кафлі / А. А. Трусаў // Мастацтва Беларусі. – 1991. – № 10. – С. 64–66.
76. Трусаў, А. А. Антрапаморфныя выявы на беларускай кафлі XV–XVII ст. / А. А. Трусаў // З глыбі вякоў. – Мінск, 1992. – С. 97–104.
77. Трусаў, А. Кафля з раскопак на Старым замку ў Гродне / А. Трусаў // Спадчына. – Менск : Рэдакцыя часопіса «Спадчына», 1992. – № 6. – С. 63–67.
78. Трусаў, А. А. Беларускаяе кафлярства / А. А. Трусаў. – Мінск, 1993. – 55 с.
79. Трусаў, А. А. Гродзенская кафля эпохі Адраджэння (другая палова XVI – пачатак XVII ст.) / А. А. Трусаў, А. К. Краўцэвіч // Помнікі мастацкай культуры Беларусі эпохі Адраджэння. – Мінск, 1994. – С. 228–233.
80. Трусаў, А. Матэрыяльная культура Крэўскага замка / А. Трусаў // З глыбі вякоў. Наш край / навук. рэд. А. К. Краўцэвіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1996. – Вып. 1. – С. 212–228.
81. Трусаў, А. Антрапаморфныя выявы на магілёўскай і мсціслаўскай кафлі / А. Трусаў // Магілёўская даўніна. – Магілёў, 2001. – Вып. 9. – С. 11–15.
82. Трусаў, А. А. Манументальнае дойлідства Беларусі XI–XVIII стагоддзяў / А. Трусаў. – Мінск : ТАА «Лекцыя», 2001. – 203 с.
83. Трусаў, А. А. Кафляныя печы беларускіх замкаў / А. А. Трусаў // Матэрыяльная і духоўная культура замкаў Беларусі. – Мінск, 2003. – С. 52–65.
84. Трусов, О. А. Памятники монументального зодчества Белоруссии XI–XVII вв. Архитектурно-археологический анализ / О. А. Трусов. – Минск : Наука и техника, 1988. – 157 с.
85. Трусов, О. А. Мстиславские изразцы / О. А. Трусов // Памятники культуры. Новые открытия : ежегодник, 1989. – М., 1990. – С. 334–340.
86. Угрыновіч, У. В. Кафля з выявай букета / У. В. Угрыновіч // Мастацтва Беларусі. – 1986. – № 5. – С. 32.
87. Угрыновіч, У. В. «Дрэва жыцця» / У. В. Угрыновіч // Мастацтва Беларусі. – 1988. – № 12. – С. 47–48.
88. Фурсов, М. В. Описание Могилевского музея / сост. М. В. Фурсовым. – [2-е изд.]. – Могилев на Днестре : Типография Губернского правления, 1898. – 106, [10] с.
89. Штыхаў, Г. В. Кафля Лагойскага замка / Г. В. Штыхаў, У. В. Угрыновіч, А. А. Трусаў // Беларусь. – 1981. – № 5. – С. 32.
90. Шуткова, Н. П. Производство коробчатых изразцов на территории Могилевского Поднепровья и Посожья XVI–XVIII вв. (по данным Кричева, Могилева, Мстиславля) / Н. П. Шуткова // Романовские чтения–IX : сб. научн. тр. Междунар. науч. конф., г. Могилев, 29–30 ноября 2012 г. – Могилев : УО «МГУ им. А. А. Кулешова», 2013. – С. 93–94.
91. Шуткова, Н. П. Изучение архитектурно-строительной керамики XVI–XVIII вв. городов Могилевского Поднепровья и Посожья (историографический аспект) / Н. П. Шуткова // Древности Средне-Западной России и сопредельных территорий : материалы XXX Междунар. студенч. археолого-этнолог. конф., г. Брянск, 22–24 мая 2014 г. – Брянск : РИО БГУ, 2014. – С. 73–83.
92. Шуткова, Н. П. Изучение печных изразцов региона Могилевского Поднепровья и Посожья (историографический аспект) / Н. П. Шуткова // Вестник ПГУ, Сер. А : Гуманит. науки. – 2014. – № 1. – С. 38–44.
93. Шуткова, Н. П. Изразцы Быховского замка по материалам археологических раскопок 2013 г. / Н. П. Шуткова // Романовские чтения–10, посвящ. 80-летию со дня основания ист. факультета : сб. статей Междунар. науч. конф. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2015. – С. 247–248.
94. Шуткова, Н. П. Изразцы и изразцовые печи города Могилева 1680–1700 гг. (по материалам приходно-расходных книг могилевского магистрата) / Н. П. Шуткова // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць : зб. навук. прац удзельнікаў IX Міжнар. навук. канф., г. Магілёў, 25–26 чэрв. 2015 г. – Магілёў : МДУХ, 2015. – С. 46–52.

95. Шуткова, Н. П. Карнизные печные изразцы XVII–XVIII вв. из археологических раскопок Быховского замка в 2013 г. / Н. П. Шуткова // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук : материалы XXII Междунар. науч.-практ. конф., г. Москва, 2–3 апр. 2015 г. – М. : Изд-во «Институт стратегических исследований» ; Изд-во «Перо», 2015. – С. 92–98.

96. Шутовіч, Я. З успамінаў Янкі Шутовіча / Я. Шутовіч // Спадчына. – Менск : Рэдакцыя часопіса «Спадчына», 1995. – № 1. – С. 32–46.

97. Gloger, Z. Encyklopedia staropolska ilustrowana / Z. Gloger. – Warszawa, 1900–1903. – 1901. – Т. 2. – 332 s.

Рэзюмэ

Н. П. Шуткова

Вывучэнне кафлі з тэрыторыі Беларусі ў працах вучоных канца XIX – пачатку XXI стагоддзя (гістарыяграфія праблемы)

У артыкуле зроблена спроба асветлення гістарыяграфіі вывучэння кафлі з тэрыторыі Беларусі ў працах вучоных канца XIX – пачатку XXI ст. Першы этап вывучэння кафлі звязаны з назапашваннем матэрыялу, спробамі яго класіфікацыі, сістэматызацыі і візуальнага апісання. Працягваўся гэты этап да канца 1960-х гадоў. Пераломнымі ў вывучэнні кафлі сталі 1970–80-я гады. З гэтага часу і да пачатку XXI ст. цікавасць да дадзенага віду артэфактаў не згасе. Пра гэта сведчаць дзесяткі работ, прысвечаных толькі кафлі. У яе вывучэнні выкарыстоўваліся і працягваюць выкарыстоўвацца метады гуманітарных і прыродазнаўчых навук. Даследчыкамі былі асветлены пытанні сюжэтаў на вонкавых пласцінах кафляў, праблемы рэканструкцыі і рэстаўрацыі кафлі і кафляных печаў, некаторыя аспекты тэхналогіі іх вытворчасці.

Summary

N. Shutkova

The study of stove tiles from the territory of Belarus in the works of scientists of the late 19th – early 21st century (historiography of the problem)

The article attempts to study the historiography of stove tiles from the territory of Belarus in the work of scientists of the late 19th – early 21st century. The first stage of the study of tiles associated with the accumulation of material, the first attempt of classification, systematization and visual description. It lasted until the end of the 1960-s. A turning point in the study of tiles become 1970–80-s. From that time until the beginning of the 21st century interest in this type of artifact is not quenched. It is evidenced by dozens of works devoted only stove tiles. In the study of tiles used the methods of humanities and natural sciences. The researchers highlighted the issue concerns the image on the face plate of stove tiles, the problems of reconstruction and restoration of stove tiles, some aspects of the production technology.

Поступила 07.09.2015 г.